

рые всем обязаны французской литературе, начиная с ваших познаний, до материалов для журналов ваших, вы браните свою милую наставницу и питательницу!»⁸⁰ Вся статья была посвящена тому «ужасному», которое, как признается автор, стало необычайно популярным в современном романе. Оправдание отдающих дань этой моде писателей строилось на сопоставлении современной и древней литературы: «Но если встретим ужасную картину, порожденную гениальным воображением, то вспомним, что это не только нынче случается. (...) Ужасное заключено в природе человеческой: надобно же когда-то выпускать его на волю!»⁸¹ Критик «Московского телеграфа» не отказывал ужасному в эстетической ценности, признавая, что оно имеет полное право на существование наравне с печальным и смешным, а, напротив, пытался объяснить, почему именно эта эстетическая категория заняла столь значительное место в современной литературе. С точки зрения критика, виновна была эпоха, которая преобразила окружающий мир до неузнаваемости и изменила сам масштаб его восприятия: «Род человеческий умножился сотнями миллионов, события государственные сделались всемирными переворотами; все приняло размеры гигантские, начиная от машин, движимых силами природы, а не лошадьми, и до людей, волнуемых не делилевскими, но байроновскими мыслями, не десятью инструментами в оркестре Гретри, а семьюдесятью в оркестре Россини, или семьюдесятью оркестрами с тремя сотнями барабанов, на Парижской площади, под открытым небом».⁸² В связи с этим изменилось и искусство: «...вот вам в придачу и сотни, тысячи романов, где хотят и думают возбудить сильные ощущения, представляя нам злодейства, проливая кровь, обнажая гнусные пороки; вот вам Бальзаки, Жанены, Гюго, Матюрины, Гофманы и толпы их подражателей во Франции, в Германии и даже в России, где сильные ощущения и ужасы в романах ограничиваются карточными обманами, развратными женщинами и злыми помещиками или судьями».⁸³ Неистовая словесность предстает порождением современной цивилизации, которая, подавляя человеческое достоинство, создает условия для того, чтобы индивид проявлял свои худшие качества. Русские критики, начинавшие с мысли о связи «неистовых» произведений с мемуарами и записками, постепенно естественным образом приходили к пониманию социального значения новой литературы и соответственно ее острой современности.

⁸⁰ Московский телеграф. 1833. Ч. 53. № 18. С. 402.

⁸¹ Там же. С. 403.

⁸² Там же. С. 405—406.

⁸³ Там же. С. 406.

© А. Ю. Балакин

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ТЕКСТА СТАТЬИ И. А. ГОНЧАРОВА О И. Н. КРАМСКОМ*

Каждый текстолог, которому приходилось работать с неавторизованными копиями или списками тех или иных произведений, знает, насколько важно иметь информацию о происхождении подобных документов. Копия, выполненная близким другом автора в период тесного общения с ним, и список, изготовленный каким-нибудь провинциальным стряпчим, обладают различным текстологическим статусом. Если первая может иметь уникальное значение для установления основного текста произведения или помочь точнее понять его творческую историю, то самый вероятный удел вторых — засорять раздел «Варианты» академических со-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-04-00132.

браний сочинений. Конечно, это не означает, что мы должны полностью доверять одним и отмахиваться от других. С одной стороны, ошибки и пропуски бывают в самых авторитетных копиях, а с другой — даже малограмотный полковой писарь может создать список, который в точности повторит далекий протограф. Но все же друзьям приходится верить чаще, чем писарям.

Гораздо реже встречаются случаи, когда мы точно знаем происхождение копии, знаем, что она вышла из ближайшего к автору круга лиц, пользовавшихся его абсолютным доверием и имевших доступ к его автографам, когда мы довольно точно можем датировать копию и знаем, с какой целью она была изготовлена, — однако сам текст этой копии вызывает серьезные вопросы.

В нашем сообщении речь пойдет именно о таком случае. Для того, чтобы подойти к сути проблемы, придется начать издалека.

1

Судьба архива И. А. Гончарова во многом остается непроясненной. В некоторых популярных и учебных изданиях утверждается, что перед смертью писатель его сжег, однако это не так. В середине 1880-х годов он действительно уничтожил часть своих бумаг, но, судя по превратно трактованному свидетельству, это была лишь его переписка,¹ да и то не вся. В завещании автора «Обломова» о его архиве не было сказано ни слова, авторские права на произведения передавались семье его бывшего слуги, а в статье «Нарушение воли» (1889) писатель просил не печатать ничего из того, что бы он не напечатал при жизни. Однако позднее, уже после публикации этой статьи, буквально перед самой смертью, он создал несколько рассказов, права на посмертную публикацию которых также перешли к одной из дочерей бывшего слуги. Еще раньше, в 1888 году, по просьбе В. В. Стасова Гончаров передал часть рукописей романов «Обломов» и «Обрыв» в Публичную библиотеку.

После смерти Гончарова какую-то часть его бумаг получила С. А. Никитенко, дочь бывшего профессора Санкт-Петербургского университета, многолетний друг и помощник писателя. Начиная с конца 1860-х годов Никитенко стала по сути литературным секретарем Гончарова: переписывала его черновики, предлагала редакторскую правку, держала корректуру; он ценил ее вкус, уважал ее мнение, принимал ее замечания и исправления. Поэтому неудивительно, что при разборе и дележе имущества Гончарова часть его рукописей досталась именно ей. Однако какую часть его бумаг они составляли — мы не знаем.

В 1994 году сотрудница Ульяновского музея Гончарова А. В. Лобкарева опубликовала статью, где попыталась раскрыть судьбу той части гончаровского архива, которая перешла к Никитенко.² После кончины Софьи Александровны, случив-

¹ Об этом журналисту С. М. Шпицеру рассказала экономка Гончарова А. К. Трейгут: «Однажды (...) это было зимою, как раз после болезни И. А. Топился вечером камин, у которого мы вместе сидели. Вдруг, смотрю, И. А. встает, подходит к письменному столу, достает всю свою огромную переписку и просит меня помочь ему палить письма — бросать их в камин. Долго мы тогда сидели, подбрасывая письма в огонь, а камин все топился, ярко освещая вспыхивающим пламенем нашу комнату. Таким образом, очень много бумаг было тогда сожжено». Вслед за этим Шпицер добавляет уже от себя: «Упомянутый печальный случай побудил Гончарова дать в жертву камину большую переписку, массу записок, черновиков, отрывков и рукописей, которые щедро были преданы огню» (*Шпицер С. И. А. Гончаров: I. Опыт биографии и характеристики; II. Два неизданных отрывка*. СПб., 1912—1913. С. 35). Стоит указать, что записанные Шпицером воспоминания Трейгут не отличаются достоверностью; некоторые сообщенные ей факты тогда же были опровергнуты друзьями Гончарова (см. об этом: *Балакин А. Ю.* Неизвестные страницы воспоминаний А. Ф. Кони о Гончарове // *Русская литература*. 2012. № 2. С. 98—101).

² См.: *Лобкарева А. В.* К вопросу об истории архива И. А. Гончарова // *И. А. Гончаров: Материалы Международной конференции к 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова*. Ульяновск, 1994. С. 297—302.

шейся в 1901 году, все ее бумаги (включая громадный архив отца), согласно завещанию, попали в руки к А. И. Старицкому, юристу и крупному чиновнику, жена которого была дальней родственницей Никитенко. Старицкий сам не делал попыток опубликовать перешедшие к нему рукописи, однако не отказывал исследователям, желавшим с ними ознакомиться. Так, согласно имеющимся данным, у Старицкого хранились подлинные тетради дневника А. В. Никитенко, и в 1910-е годы к ним обращался М. К. Лемке — хотя уже давно сложилось мнение, впервые высказанное И. Я. Айзенштоком, что они были уничтожены самой Софьей Александровной, выполнившей завет отца, который просил, чтобы оригинал дневника не выходил за пределы семьи.³ В архиве Е. А. Ляцкого имеется большое количество копий гончаровских рукописей из архива Никитенко; нет сомнения, что возможность копирования ему была предоставлена именно Старицким. В том же архиве хранились черновые рукописи трех недоработанных гончаровских статей — «Опять Гамлет на русской сцене», «Материалы, заготавливаемые для критической статьи об Островском» и «Христос в пустыне. Картина г. Крамского».

2

Эти три статьи писались Гончаровым в 1870-х годах, точная же их датировка до сих пор остается предметом дискуссии.⁴ Очевидно, каждая из них задумывалась в расчете на публикацию. Напомним известный факт: Гончаров привык читать газету А. А. Краевского «Голос», но ему не хотелось платить за годовой комплект, а принимать ее в дар он отказывался. Поэтому между им и редактором было заключено неформальное соглашение: раз в год Гончаров пишет для «Голоса» фельетон, а в качестве гонорара получает подписку. Далеко не все подобные фельетоны выявлены даже в самом «Голосе»; возможно, подобным образом Гончаров рассчитывался и с редакторами других периодических изданий. Нельзя исключать, что с подобной целью писались и упомянутые выше статьи.

Здесь не место говорить о всех текстологических проблемах, связанных с публикацией этих статей. Скажем лишь, что все их публикации нельзя назвать удовлетворительными: они содержат как неверные прочтения отдельных слов и фраз, так и некоторые другие сомнительные решения. Это, впрочем, неудивительно, учитывая черновой, слишком черновой характер рукописей.

Статьи о «Гамлете» и Островском не окончены. Первая обрывается буквально на полуслове, но об этом чуть ниже. Статья об Островском кажется законченной, но на самом деле Гончаров успел написать, по сути, лишь вводную часть: в начале статьи он говорит, что хочет поговорить о постановке комедии «Поздняя любовь» на сцене Александринского театра, разобрать литературные достоинства этой пьесы, а также «коснуться и прочих пьес, может быть, всех и всей деятельности Островского, разумеется, в немногих словах, как оно будет уместно»,⁵ однако до первых двух пунктов писатель так и не дошел, хотя разбору значения любимого драматурга для современной русской сцены и жизни посвятил несколько абзацев.

В отличие от первых названных статей, статья о Крамском имеет четко обозначенный финал. И хотя рукопись ее представляет собой настоящий хаос из вычеркнутых кусков, альтернативных текстовых фрагментов и вставок на полях, а также непосредственно не связанных с повествованием заметок à propos, — так

³ См.: *Айзеншток И. Я.* Дневник А. В. Никитенко // *Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. [Л.]*, 1955. Т. 1. С. XXXVI.

⁴ См., в частности: *Краснощекова Е. А.* Комментарии [к статье «Материалы, заготавливаемые для критической статьи об Островском»] // *Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 508—509; Гайнцева Э. Г.* К уточнению датировки статьи И. А. Гончарова «„Христос в пустыне“». Картина г. Крамского // *Русская литература. 1995. № 3. С. 152—157.*

⁵ *Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 151.*

вот, несмотря на очевидную неотшлифованность самого текста, композиция статьи выстроена, логика развития мысли соблюдена, все точки над *i* расставлены. Судя по характеру чернил, большая часть изменений и вставок произведена не одномоментно, то есть Гончаров обращался к статье позднее, как минимум два раза.

3

В 1920 году Старицкий принял решение эмигрировать и начал продавать имевшиеся у него бумаги. Основной архив Никитенко был приобретен Пушкинским Домом, немного ранее Публичная библиотека купила у Старицкого некоторые рукописи Гончарова, в том числе черновики упомянутых статей. Что-то приобрел (или получил в дар) Ляцкий. Часть же бумаг Старицкий оставил своим родственникам: И. М. Гревсу и А. М. Фокину. Именно в фонде Фокиных в Центральном историческом архиве Москвы Лобкарева обнаружила копии двух статей — о «Гамлете» и Островском.⁶ «Копии написаны каллиграфическим почерком, — сообщает она, — такое впечатление, что они готовились к публикации, на одном листке (...) авторская поправка, сделанная карандашом». И далее продолжает в сноске: «Выражаю благодарность Л. С. Гейро за оказанную консультацию. Она считает, что копии были сделаны при жизни Гончарова, и что он работал с ними. На рукописях имеются гончаровские редакторские знаки и исправления, сделанные карандашом».⁷

Эта находка до сих пор не была предметом текстологической рефлексии. Но ведь если Гейро права, то тогда именно обнаруженные в ЦИАМе копии, а не черновые автографы должны быть приняты в качестве источника основного текста статей о «Гамлете» и Островском. Однако мы вынуждены не согласиться с выводом уважаемой исследовательницы: эти копии были сделаны непосредственно с известных нам черновиков, но уже после смерти Гончарова; карандашная правка двух типов — простым и синим карандашами — принадлежит не их автору, а двум различным лицам, у каждого из которых было свое видение и понимание текста. Попробуем доказать это утверждение.

Вот один, но очень показательный пример из статьи об Островском. Одно слово черновика переписчик не разобрал, поставив в скобках «слово не разобрано» (л. 20), — это было слово «иомуды», название туркменского племени, употребленное Гончаровым в значении «люди отсталых взглядов». Если бы этот текст просматривал автор, вряд ли бы он мог оставить подобное упущение. Так, переписывая в 1858 году первую часть будущего «Обрыва», племянник Гончарова В. М. Кирмалов также не разобрал одного слова и оставил пропуск; просматривая рукопись, Гончаров заполнил его.⁸

Что же касается статьи о «Гамлете», то ее заключительная часть, последний лист автографа, представляет по сути не связный текст, а конспект из хаотических фрагментов, набросков дальнейшего развития мысли. Однако современные публикации имитируют завершенность статьи, в автографе же текст обрывается буквально на полуслове. Невозможно предположить, чтобы автор оставил статью в таком виде, позволив ее копировать.

Правка в копии простым карандашом — это незначительные редакторские поправки, призванные сгладить черновой характер текста. Следует также сказать, что считка с черновиком не производилась, и все (немногочисленные, впрочем) ошибки переписчика оставлены без изменений: в основном это замены предлога «с» на «со», вставки или, наоборот, пропуски союза «и» а также некоторых слов.

⁶ ЦИАМ. Ф. 2049. Оп. 2. Ед. хр. 1134.

⁷ Лобкарева А. В. К вопросу об истории архива И. А. Гончарова. С. 301, 302.

⁸ См.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2008. Т. 8. Кн. 1. С. 125.

Самые многочисленные случаи карандашной правки — замены «ферта» на «фиту», вычеркивание наименования «Г.» («господин») при упоминании фамилий, а также уточнение границ фраз. Далее идут замены словоформ: в статье о «Гамлете» их около пяти, в статье об Островском — не более десяти. Немного больше случаев косметической редакторской правки: около десяти случаев в первой и около пятнадцати во второй. Все это наводит на мысль о том, что их сделал издательский корректор. Единичны случаи правки синим, редакторским карандашом, но они свидетельствуют о том, что их делал человек, чрезвычайно внимательно и глубоко вникнувший в смысл текста. Самый серьезный случай — предложение перестановки части текста статьи о «Гамлете». Хотя эта перестановка действительно делает его более логичным, но совершенно не обусловлена автографом. Также синим карандашом в этой статье вычеркнут случайный повтор одного места и упомянутые заключительные недоработанные фразы. Сам цвет этого карандаша говорит о том, что его использовал редактор, готовивший текст к печати.⁹ Очень существенно, что тем же синим карандашом и тем же почерком в полном соответствии с редакционно-издательской практикой эти две статьи пронумерованы в верхнем правом углу. Именно в таком виде текст обычно сдавался в набор.

Таким образом, вопрос о происхождении и статусе этих копий мог бы быть снят, а их наличие лишь отмечаться в комментариях, если бы не одно обстоятельство. Спустя несколько лет после публикации Лобкаревой в архиве журналиста и издателя В. С. Миролюбова в Пушкинском Доме нами были обнаружены копии уже всех трех вышеупомянутых статей: как о «Гамлете» и Островском, так и о Крамском.¹⁰ При этом статьи о «Гамлете» и Крамском переписаны тем же почерком, что и ЦИАМовские копии. Текстуально статьи о «Гамлете» и Островском восходят к ним же и носят следы считки, а вот текст статьи о Крамском существенно отличается от известного нам черновика. В нем нет развернутых дополнений и вставок, но изменения есть почти в каждом абзаце: выправлен стиль, уточнены выражения и формулировки, сглажены невнятные обороты речи. Для наглядности покажем различия нескольких фрагментов из самого начала статьи:

Автограф

«ХРИСТОС В ПУСТЫНЕ»
КАРИНА г. КРАМСКОГО

На 3-й «передвижной» так называемой выставке, в Академии Художеств...

В новое время в попытки художников к изображению лиц и событий священного писания, по мнению многих, проникли то же отрицание, скептицизм, какие вторглись всюду, в науку, во все искусства, в жизнь.

Почему же художнику не проникать ясновидящим оком творчества в глубину веков и не воскрешать из прошлого вещественные черты лица, характер события или предметов, как они должны быть или совершаться, не жертвуя, конечно, правде

Копия ИРЛИ

ПО ПОВОДУ КАРТИНЫ
КРАМСКОГО
«ХРИСТОС В ПУСТЫНЕ»

На третьей, так называемой «передвижной» выставке, в Академии Художеств...

В последнее время в попытки художников, когда они изображают лица и события из священного писания, по мнению многих, тоже начало проникать отрицание и скептицизм, какие уже вторгались всюду: в науку, в другие искусства, в самую жизнь.

Почему же художнику не проникать ясновидящим оком творчества в глубину веков и не воскрешать из прошлого вещественные черты лиц, характеров, событий или предметов, как они могли быть или совершаться — не жертвуя при том истори-

⁹ Тот же человек работал и с другими текстами Гончарова: так, им же сделана надпись на первом листе копии очерка «Май месяц в Петербурге», который А. Ф. Маркс купил у наследников писателя: «Набрано для печатания в *Февральском Сборнике* («Нивы») 1892 г. 20/12 91» (РГАЛИ. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1; воспроизведено в издании: Мастер русского романа И. А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья: Сб. документов и материалов. М., 2012).

¹⁰ ИРЛИ. Ф 185. Оп. 1. Ед. хр. 1783; хранятся как статьи неустановленного лица.

художественной исторической правдой. Религиозное, не формальное благоговение от художественной правды не смутится.

...в ней только раздаются деньги, по сказанию Евангелия, стерегшим гроб иудеям, чтобы они сказали, что Христос не воскрес, а был похищен учениками.

Под каким углом зрения ни представь художник свой предмет, он изобразит только неверно, то есть дурно, минутное выражение лица или момент события, что и случается с художниками на каждом шагу.

Как можно видеть, на каком-то этапе бытования этого текста он подвергся не эпизодической косметической правке, как статьи о «Гамлете» и Островском, а глубокой редактуре, которая из чернового по сути наброска превратила его во вполне законченный этюд. Поэтому следует задать вопрос: когда и кто произвел эту редактуру? Была ли она сделана самим Гончаровым, и дошедшая до нас копия отразила последний этап авторской работы над текстом? Или же недовыправленный текст «причесала» сама Никитенко, уже привычная к такой работе?

В пользу гипотезы, что завершающая правка в текст статьи могла вноситься самим Гончаровым (или, по крайней мере, с его прямой санкции), свидетельствует следующее. На первой странице автографа стоит запись, сделанная писателем: «Надо пересмотреть на досуге [и передел(ать)]. Кажется, из этого можно сделать полный этюд». ¹¹ Если предположить, что Гончаров распорядился скопировать черновик, а потом правку вносил уже в копию, то надо попытаться понять, когда и с какой целью он мог бы это сделать. Откинем как абсурдную мысль, что он занимался этим ради собственного удовольствия. Для того же, чтоб подготовить статью к печати, у Гончарова повод был. Напомним, что в конце 1880 года появился сборник «Четыре очерка» (СПб., 1881), в который вошли три уже опубликованных к тому времени произведения, а одно («Заметки о личности Белинского») было напечатано впервые. Мы ничего не знаем о том, как задумывалась и собиралась эта книга, но нет сомнения в том, что, готовя ее, Гончаров перебирал свои бумаги в поисках материала, а значит мог дорабатывать очерк о Крамском, но потом все же принять решение его не печатать.

С другой стороны, Никитенко едва ли могла столь радикально вмешиваться в текст. Копируя тексты Гончарова, она исправляла их — подобный случай однажды был рассмотрен нами на примере двух глав «Обрыва», которые не вошли в окончательный текст роман. ¹² Однако эта правка также носила уточняющий, косметический характер. По объему она гораздо меньше той, что отразилась в миролюбивской копии статьи о Крамском. Сразу скажу, что эта копия тщательно готовилась, скорее всего считывалась с оригиналом (об этом можно судить по аналогии с миролюбивскими копиями двух других статей, которые имеют несомненные приметы считки), на ней есть несколько поправок, сделанных рукой Никитенко.

4

Попробуем сопоставить имеющиеся у нас факты.

В 1899 году Никитенко стала знакомить с имеющимися у нее гончаровскими материалами ближайших друзей. 20 февраля она писала А. Ф. Кони: «Читая те-

¹¹ РНБ. Ф. 209. Ед. хр. 10. Л. 1.

¹² См.: Балакин А. Ю. О проблеме выбора основного источника текста романа И. А. Гончарова «Обрыв» // Русская литература. 2002. № 3. С. 83—84.

перь странички о Гамлете и об Островском, я все время так и слышала голос самого Ивана Александровича, как он говаривал, когда бывал особенно в ударе... Как я рада, что Вы тоже получили от них отрадное впечатление! (...) Если желаете, конечно, покажите их В(еликому) К(нязю). Он поэт, следовательно, должно полагать, тоже не может не сочувствовать всякому достойному проявлению художественного творчества».¹³ Действительно, великий князь Константин Константинович заинтересовался статьей о «Гамлете» и напечатал фрагмент из нее в следующем, 1900 году в томе комментариев к переведенной им трагедии Шекспира.¹⁴ Эта публикация сделана по уже выправленному тексту: этот очень важный факт свидетельствует о том, что хотя на ЦИАМовских копиях нет поправок, сделанных рукой Никитенко, они вышли из ее дома.

Видимо, слух о неизвестных гончаровских текстах стал распространяться, поскольку в том же 1899 году к Никитенко обратился А. Ф. Маркс, в издательстве которого в качестве приложения к «Ниве» выходило новое полное собрание сочинений Гончарова. «Вот набросок Ивана Александровича о картине Крамского, — писала Никитенко Кони 12 мая. — Читая его, я опять перенеслась в то незабвенное время, когда, сидя в углу моего маленького диванчика, поджав под себя одну ногу, Иван Александрович, делясь своими мыслями и впечатлениями, вдруг оживлялся и раздражался блестящей импровизацией, которая точно раздвигала стены комнаты и уносила в мир идеальных помыслов и стремлений... (...) Вчера был у меня Маркс. Ему очень хочется получить статьи Ив. Ал., но он немного боится, вероятно по(...)»¹⁵ И следующее письмо, без даты: «Прилагаю также письмо Маркса ко мне. На него когда буду отвечать, намереваюсь сказать, что соглашусь ему уступить статьи не иначе, как на тех же условиях, как сам Иван Александрович, тем более, что он, Маркс, держит их и с теми, что приобрел после его смерти у его наследников».¹⁶ Видимо, «те же самые условия» оказались для Маркса неподъемными, поскольку в названном Полном собрании сочинений эти тексты не появились. Однако мы вправе предположить, что, пока шли переговоры, копии статей Никитенко передала в издательство, и с ними была произведена работа по подготовке к печати. На мой взгляд, следы именно такой работы и несут на себе ЦИАМовские копии. Скорее всего, Марксу была передана и миролюбивская копия статьи о Крамском: на ней есть та же редакционная пагинация синим карандашом, выполненная тем же человеком, что нумеровал ЦИАМовские копии.

¹³ ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 8. Ед. хр. 63. Л. 13—14 об. Сохранилось два недатированных письма Никитенко одинакового содержания, адресованных Кони, но предназначавшихся, очевидно, для великого князя в качестве сопроводительных документов при передаче рукописи; первое: «Милостивый государь Анатолий Федорович. Осведомившись, что вслед за изданием, сделанным Великим Князем Константином Константиновичем перевода „Гамлета“, им же предназначается издание критических замечаний западноевропейских и русских писателей по поводу этой трагедии, и думая, что находясь в моем распоряжении, подаренные мне отрывочные заметки покойного Ивана Александровича Гончарова могут содержать в себе не лишние значения замечания относительно исполнения Гамлета, прошу Вас представить прилагаемые при сем листки Августейшему Президенту Академии Наук для извлечения из них, буде он найдет нужным, тех или других мест, прося рукопись мне вернуть обратно. Преданная С. Никитенко»; второе: «Милостивый государь Анатолий Федорович. Покойный Иван Александрович Гончаров сообщил мне свои заметки об исполнении „Гамлета“ на сцене. Думая, что в них может заключаться не лишенный значения материал для исследований Великого Князя Константина Константиновича об этой трагедии, и полагая, что ввиду характера этих мнений я не нарушу волю покойного о неоглашении содержания его писем, прошу Вас представить их Августейшему Президенту Академии Наук для выборки из них того, что он признает полезным. А самую рукопись прошу Вас возвратить мне обратно. Искренне преданная С. Никитенко» (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Ед. хр. 2704. Л. 11—14).

¹⁴ См.: Шекспир В. Трагедия о Гамлете, принце датском / Пер. К. Р. СПб., 1900. Т. 2. С. 214—219.

¹⁵ И. А. Гончаров в кругу современников: Неизданная переписка. Псков, 1997. С. 418; уточнено по подлиннику: ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 8. Ед. хр. 73. Л. 1—1 об. Конец письма утрачен.

¹⁶ ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 8. Ед. хр. 63. Л. 28—28 об.

Таким образом, можно сделать вывод, что в определенный момент времени ЦИАМовские копии статей о «Гамлете» и Островском и миролюбовская копия статьи о Крамском находились в одних руках. Но почему тогда Никитенко отдала Марксу две невыправленные копии (статьи о «Гамлете» и Островском) и одну тщательно подготовленную (статья о Крамском) — ведь черновик как раз последней статьи меньше всего нуждался в серьезном редакторском вмешательстве? С какого оригинала копировался текст статьи о Крамском? Была ли это копия с правкой Гончарова или на предыдущем этапе статью отредактировала сама Никитенко?

Нам кажется, что в тексте миролюбовской копии есть одна примета, своего рода родимое пятнышко, которое позволяет склонить чашу весов в пользу одной из этих версий. Не откроем Америку, сказав, что автор и редактор читают текст по-разному. Для автора важен смысл им написанного, в первую очередь он уточняет свою мысль и лишь во вторую — обращает внимание на связность и грамматическую правильность текста. Редактор же работает совершенно по-иному. Для него грамматическая правильность стоит на первом месте, первым делом он следит за согласованием времен и падежей. Именно так Никитенко и работала с текстами Гончарова, который писал торопливо, из-за чего в его черновиках нередко можно встретить лексические повторы и разного рода синтаксические неточности. Именно за это и ценил Гончаров Никитенку, будучи уверен, что она избавит его черновики от «недомолвок, ошибок, несообразностей и проч.»¹⁷ Именно такой характер имеет одна поправка Никитенко в миролюбовской копии статьи о Крамском.

В черновике статьи читаем: «Все знают, например, о предстоящей кончине любимого человека, все ждут его с скорбью, а когда он настанет — момент, как электрический удар пробежит по сердцам, лица изменятся, побледнеют».¹⁸ Этот фрагмент читается уверенно и не представляет проблемы для переписчика. Затем он на каком-то этапе был поправлен и в копии первоначально читался так: «Все знают, например, о предстоящей кончине любимого человека, все ждут *ее* с скорбью, а когда она настанет — момент *этой*, как электрический удар *пробегают* по сердцам, лица изменятся, *бледнеют*».¹⁹ Рукой же Никитенко слово «изменяться» поправлено на «изменяются», что устраняет грамматическую несогласованность времен. А теперь зададим вопрос: если бы текст правила сама Никитенко, неужели бы она с присущим ей педантизмом не исправила эту несогласованность на предыдущем этапе работы? Таким образом, можно предположить, что в переписку она отдала рукопись, выправленную самим Гончаровым.

5

Разумеется, при подготовке очередного тома Полного собрания сочинений и писем Гончарова встанет вопрос, какой же источник текста статьи о Крамском брать в качестве основного? Здесь надо сразу подчеркнуть различный текстологический статус копий статей о «Гамлете» и Островском (как ЦИАМовских, так и миролюбовских) и копии статьи о Крамском. Если первые не имеют самостоятельного значения и не должны рассматриваться в качестве источников текста, то во второй, как мы попытались показать, мог отразиться поздний этап работы Гончарова над своим произведением. В текстологической практике встречаются случаи, когда при наличии черного автографа и неавторизованной копии, дающей законченный текст, предпочтение отдается последней. В данном же случае из-за отсутствия каких-либо документальных свидетельств подобное решение представляется

¹⁷ Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко / Публ. Л. С. Гейро // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 186 (письмо от 28 октября 1868 года).

¹⁸ Гончаров И. А. Собр. соч. Т. 8. С. 65.

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. Ед. хр. 1783. Л. 38.

опрометчивым. Однако на этом основании полностью игнорировать текст миролюбивой копии статьи о Крамском было бы ошибкой. Думается, наиболее взвешенным представляется решение поместить в основной корпус соответствующего тома Полного собрания сочинений текст чернового автографа, а текст копии полностью дать в приложении к нему.

ИЗ ИСТОРИИ ЭГОФУТУРИЗМА: МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ И. В. ИГНАТЬЕВА

(ПУБЛИКАЦИЯ © А. В. КРУСАНОВА И © Т. В. МИСНИКЕВИЧ)

Иван Васильевич Игнатьев (наст. фам. Казанский, 1892—1914; псевдонимы Дживонни, Арлекин, Ивей, -Т-, Карагуано, Маркиз Карабас и др.) прожил короткую, но весьма насыщенную жизнь.¹ Его имя осталось в истории русского футуризма, хотя заслуга в этом не столько его самого, сколько окружавшей его компании гораздо более ярких и талантливых молодых поэтов, среди которых звездой первой величины стал Игорь Северянин. Сами эгофутуристы воспринимали Игнатьева весьма скептически. Г. Иванов вспоминал: «Игнатьев был бесталаннейший человек с низко скошенным лбом и тяжелым взглядом, которому, на его несчастье, захотелось блистать, удивлять, очаровывать сердца, потрясать мир».² Грааль-Арельский подтверждал: «Вряд ли Игнатьев верил в свое поэтическое призвание. Он был способным и практическим журналистом».³ То же самое писал и Игорь Северянин: «Пробовал он и сам, как говорят обыватели, — „пописывать“ и в стихах, и в прозе, да только ничего путного из этих писаний не получалось, но рецензии его о книгах и о новых пьесах не были лишены остроты и оригинальности, и сделался он вследствие этого критиком».⁴ Сходного мнения об Игнатьеве придерживался В. Г. Шершеневич: «Это был холодный дерзатель. Спокойный, трезвый ум, несомненное понимание поставленных перед собою задач и очень маленький талант».⁵

За многочисленными масками, которые примеривал на себя Игнатьев, довольно сложно разглядеть его истинное лицо. Стремление к эпатажу, определяющее литературное и бытовое поведение молодых русских футуристов, было свойственно Игнатьеву в полной мере. Остается только гадать, чего он хотел добиться всеми этими перевоплощениями: сыграть самому все роли и лишь наблюдать за реакцией «зрителей» — читателей и критиков? Серьезно ли он относился к какой-нибудь из своих ролей или все они были лишь временными равнозначными масками, скрывавшими отсутствие собственного лица? Роль эгофутуриста в этой игре, возможно, была лишь одной из масок, самой удачной его мистификацией.

Установка на саморекламу и «игру» в известной степени проявляется и в автобиографических документах и частных письмах Игнатьева. Однако они дают воз-

¹ Подробно о творческой и издательской деятельности Игнатьева см.: *Парнис А. Е.* Игнатьев Иван Васильевич // *Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь.* М., 1992. Т. 2. С. 398—399; *Голлербах Е. А.* «Петербургский глашатай» // *История библиотечного, книжного и архивного дела Санкт-Петербурга.* СПб., 2003. С. 197—202; *Крусанов А. В.* Русский авангард. 1907—1932 (Исторический обзор). М., 2010. Т. 1. Кн. 1. С. 408—433, 618—640; Кн. 2. С. 273—291.

² *Иванов Г. В.* Мемуары и рассказы. М., 1992. С. 82.

³ *Грааль-Арельский.* Воспоминания об эго-футуристах / Запись А. Г. Островского // *Stedelijk Museum Amsterdam.* Архив Н. И. Харджиева. Папка 83.

⁴ *Северянин И.* Газета ребенка (И. В. Игнатьев и его «Петербургский глашатай») // *Северянин И.* Соч.: В 5 т. СПб., 1996. Т. 5. С. 78.

⁵ *Шершеневич В. Г.* Великолепный очевидец // *Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова.* М., 1990. С. 496.